

россам, пока те не выросли в «достаточно серьезную» силу. Тогда они хотели младороссами бить правых, считая, что первые деконсолидируют, «разлагают» последних. — А теперь?.. Но не также ли наивно было это думать, как думать, что лево-пореволуционные течения «разлагают» левых? Наоборот, младороссы морально консолидировали, омолодили, влили новую кровь в правую общественность. Если это удастся сделать «Новому Граду» в отношении левой общественности, то, хотя некоторые либеральные мракобесы и гасители живой творческой мысли их и тогда осудят, история их не осудит. А это как будто главное.

Ну, а мы — «Третья Россия»?.. Наша позиция проще: мы можем — и будем — идти вперед, не оглядываясь назад. И хотя мы тоже **левое** пореволуционное течение¹⁾ — в идеологическом отношении даже более левое, чем «Новый Град», но мы мало озабочены вопросами родословной и родственнических отношений. Все интересы наши поглощены будущим, **идеями**, а не **людьми**, а некоторые круги нашей зарубежной общественности это уже только люди, а не идеи. Нас часто спрашивают: почему мы, собственно, левое пореволуционное течение? В идеологии — понятно, но в политике? — Отвечаем. Можно одним словом: **неодемократией**. Из правых пореволуционных течений нам «диаметрально-соответственны» младороссы с их неомонархией. Правда, выдвинутая нами идея **неодемократии** (см. «Декларация группы Народников-Месснаистов», № 1, стр. 14, § VI «К неодемократии») начинает просачиваться и в некоторые правые пореволуционные течения. Они даже «оспаривают» (уж действительно: «нашим же добром») авторский приоритет на это слово. — И слава Богу! Если последователь какой либо идеи настолько проникается ею, что «считает» (!?) ее даже собственным произведением, то тем лучше для идеи. Вдаться же в спор Лобчинского и Бобчинского, кто первый сказал: «э» мы, конечно, не станем. Помогай им Бог! — Пусть это они первые сказали: «э», лишь бы они от него не отказывались при первой смене погоды. При том же, мы достаточно богаты новыми идеями, чтоб наделять ими бедняков. Нам даже ставили в вину «чрезмерную перегруженность» новыми идеями.

...Так вот почему мы **левое** пореволуционное течение. Это, конечно, далеко еще не все, но для наших вопрошателей этого, пожалуй, достаточно. Но достаточно ли этого, чтоб они нас признали своими, «левыми»? Конечно, нет. «Своими» они нас не признают. И хорошо, что не признают: если бы они нас признали своими, наше существование не имело бы смысла.

С. Сабуров.

На полемическом фронте

О «Т. Р.» уже создалась сравнительно обширная публицистическая литература: два отзыва в «Нов. Граде», передовая в «Возрождении», два отклика в «Вест. Крест. Рос.», в «Рос. и Слав», в некот. нем. газет., в «Числах», в «Утверждениях», в «Днях», три собрания, по-

¹⁾ В **общих** установках своих мы не левые и не правые, или и левые, и правые, поскольку осуществляем Синтез того и другого, но мы **слева** отстраиваемся к этим установкам. — Редакция.

священные №№ 1 и 2 «Крест. Об'ед», одно собрание «Зел. Лампы» и др. Мы поэтому лишены возможности дать ответ на все эти отклики и ограничимся на этот раз ответом на второй отзыв о «Т. Р.» в «Нов. Граде» (№ 6), данный Г. П. Федотовым.

Идеологически место «Т. Р.», как отмечала и чужая нам пресса, совершенно особое. Мы, как говорится у нас в другом месте, наш идеал «новой земли» обосновываем на идеале также и «нового неба», **нового положительного миросозерцания**, тогда как другие нам родственные новые течения обосновывают его на старом христианском миросозерцании. Но узко политически наше место находится приблизительно на линии между «Новым Градом» и евразийством. Поэтому и в тактике внешне-организационных отношений мы, стремясь ко всяческой концентрации сил нашего «третьего фронта», стремимся быть коитактной группировкой между этими двумя главным пореволюционными течениями. Тем более досадной является — скажем прямо — незумски составленная статья о «Т. Р.» Г. П. Федотова («Пореволюционная пресса»), за которую, правда, хотя помещена она в «Новом Граде», несет, повидимому, ответственность он один — уже потому что сам он считает себя плохим «новоградцем», являясь в журнале, очевидно, одной из случайных и временных фигур.

Не будем высказываться о всем номере; скажем лишь несколько слов о нем.

Самые последние выпуски «Н. Г.» и особенно разбираемый нами № 6, отмечены несомненным убыванием идеологического напряжения и некоторой сдачей политической акции, которая могла бы быть очень значительной, если бы журнал выдерживался в той высокой идеологической температуре, с которой он начал. Цена «Н. Г.», как прежде всего, **высоко-квалифицированную лабораторию нового сознания**, будем надеяться, что это лишь случайное ослабление творческого пафоса новоградцев, а не вынужденное снижение первоначально взятой линии. Дает себя чувствовать отсутствие в последнем номере материала И. И. Бунакова. Принимая во внимание сравнительно редкие выходы журнала, нельзя не пожалеть, что к тому же еще от слова уклоняются такие первоклассные политики, как И. И. Бунаков, пользующийся кроме того среди всех новых течений молодежи исключительным доверием и авторитетом. Также лишь незначительной темой ограничился в этом номере Ф. Степун — всегда столь блестящий, всегда музыкальной мощной сокровенной музыкой Истории. Промолчал и Н. А. Бердяев, к слову которого прислушивается мыслящая Европа, но которое тем более нужно нам, русским, переживающим величайший момент своей истории. Зато появилась, хотя и в дискуссионном порядке, статья Е. Д. Кусковой. ...Исторический обскурантизм был почти всегда «и чем иным, как проявлением личной незначительности. — Тем более парадоксальной в этом смысле является позиция Е. Д. Кусковой. По тем или иным причинам имя Е. Д. Кусковой очень часто фигурирует на страницах советской прессы. Тем значительнее, нам живущим там, кажутся идеи, которые она представляет. Но какво было мое разочарование, когда, приехав сюда, я ничего кроме слов здравого смысла (пусть и большого масштаба) от Е. Д. Кусковой услышать не мог. Конечно, кто же станет отрицать необходимость «здрoвого смысла» в политике? Но одного его в историческом делании более чем недостаточно. С одним «здравым смыслом» нельзя умирать и приносить жертвы, а без жертв история не делается — в особенности в свои героические, кульминационные моменты. Исповедуя суровый реализм, но не реализм лавочника, для которого «реально» лишь то, что можно пощупать, что можно съесть — мы имен-

но поэтому оперируем с целостным человеком, как трехмерным, а не двухмерным существом. Я думаю, что все возражения Е. Д. Кусковой против новых течений молодежи основаны на разном восприятии того, что есть история. С точки зрения Е. Д. Кусковой история и ее высший субъект, государство, для человека, лишь предприятие, едва ли не хозяйственное (вполне в марксистском духе), к которому он относится по принципу: *do ut des*. Для нас история некая «мистерия»; всякая история для нас — священная история; и отношение к ней человека — отношение служения, подвига, следовательно, — не предпринимательское, а героическое отношение. Прекрасные, лучшие слова на эту тему принадлежат И. И. Бунакову. Другое дело, что при таких материалах представлениях возможна в то же время жизнь, в нашем смысле, героическая. В этом и состоял парадокс нашей интеллигенции, которая, будучи совершенно феноменальным по своему общественному героизму явлением во всей истории общественных движений, в то же время исповедовала самое заскорузлое, низменное позитивистически-материалистическое мирозерцание.

Но обратимся к статье Г. П. Федотова. Начинается она с заявления, что «Т. Р.» является, в сущности, органом **одного лица**. Что, якобы, за множеством статей «чувствуется одна воля — одна мысль — «организатора» журнала П. Боранецкого». В дальнейшем Федотов настойчиво повторяет фразу «журнал Боранецкого», всячески подчеркивая «личный» характер органа и сводя к нулю значение остальных участников. Вот эту несправедливую и недостойную инсинуацию — не нахожу более подходящего слова — всеми нами глубокоуважаемого Г. П. Федотова я и хотел со всей категоричностью опровергнуть. Да, мне принадлежит честь создания нашего журнала и поддержания, в качестве «Организатора», его существования и *ipso facto* — наибольшая совокупность прав в нем. — Нет надобности скрывать это, раз вызывают на такого рода объяснения. Но что-ж из этого!? Почти всегда начало того или другого общ. дела принадлежало инициативе одного, двух, трех лиц, что нисколько не умаляет значения последующих участников. Точно также и руководство одного лица тем или иным общ. делом не превращает это дело в личное дело. Г. П. все это отлично понимает, но ему надо всячески уменьшить общественное значение нашего дела и для этого он пытается его свести к одному единственному лицу. Надо при этом обратить внимание, что в № 1 было помещено 13, а в № 2 — 14 статей. Если бы даже там и были мною инспирированные статьи, то все же не все 27. И мы понимаем Федотова: ему с нами трудно бороться идейно. А как известно, всегда с восходящими новыми идеями боролись отрицательными средствами за отсутствием положительных средств, благодаря бессилию старых идей. Тем не менее эти приемы борьбы Федотову следовало бы предоставить другим, кому уж действительно нечего сказать, а от него — талантливого публициста и передового ищущего мыслителя — мы в праве были бы ожидать большего. И даже среди этих отрицательных средств борьбы мы уж больше понимаем тех, кто борется со своими, идейно превосходящими противниками путем их замалчивания. — Когда сказать нечего, то молчание есть лучший способ борьбы. Хотя, конечно, люди, которые за бездейственностью своих слов, вынуждены прибегать к этому последнему средству борьбы, замалчиванию, тем самым выдают свидетельство своей общественной безнадежности. Но если бы даже было и в самом деле так, как говорит Федотов, то все же, что это за действительно вульгарно-демократический подход к идейным явлениям, недостойный подлинно духовно-аристократ. натуры Федотова — измерять их тем,

сколько там числится «членов»? А, не говоря уже о других, сам Федотов в частном порядке признает, что в идейном смысле «Т. Р.» — одно из наиболее значительных и «интересных» явлений. К тому же, мы неоднократно заявляли, что и не ставим своей целью в искусственной и совершенно своеобразной обстановке эмиграции создание массового движения. Это было бы и беспредметной, и политически близорукой задачей: большинство эмигрантских «организаций» рассыпется, как карточные домики, от одного соприкосновения с подлинной русской действительностью. По логике же вещей такой организационный развал явился бы и идейным срывом. Мы же не хотим заниматься политическим рвачеством, рискуя для этого судьбою своих идей. В политике надо уметь ждать, надо быть чутким к срокам и выдержанным в последовательности задач. Вот почему мы рассматриваем свои задачи здесь, как задачи прежде всего, идейного, а не организационного характера. Когда же у нас будет на лицо арсенал созданного идеологического вооружения, душа движения, и тогда придет наш час, — мобилизовать партийные массы мы сможем в несколько лет, при известных условиях — в несколько месяцев. Кто знаком с историей общ.-пол. движений, тот не будет об этом с нами спорить.

Но и вся статья Федотова составлена в сущности не из критики, что было бы естественным, а из подмен и ложного сопоставления фактов. Так, напр., не мы «отпочковались» от «Утвержд.» — это бы нас умалило — а мы входили туда, пока этот журнал был коалиционным, в качестве гр. народников-мессианистов, существовавшей еще до возникновения журн. «Утвержд.». И Федотову это известно. Дальше. Наш журнал не «антихристианский», а просто не-христианский, как и большинство теперешних периодических изданий. Стоя на точке зрения Духовной Революции (а не духовной реакции), мы естественно должны выдерживать конструктивные, а не догматические установки; и наш орган есть органом исканий, творчества, а следовательно, и критики, в частности, критики христианства. Тем не менее острым своим он направлен не против христианства, а против соврем. недостойного человека буржуазно-материалистического, в частности, марксистского мирозерцания. Против же христианства (собственно, исторического) он направлен постольку, поскольку именно оно собой и обуславливает, буржуазно-марксистскую антитезу, являясь давно мертвой и архаической формой выражения жизни духа. Но что мы бы хотели со всей категоричностью заявить, это то, что все же мы ощущаем себя в одном плане с христианством. — Нам абсолютно чуждо двухмерное плоскостное бурж.-материалист. мирозерцание. И если Русской Революции суждено быть морально сублимированной и пройти через преобразующий скачек нами декларируемой Третьей (конструкт.) Духовной Революции, то эта сублимация грандиозных исторических стихий только и может совершиться на путях героического титанического мирозерцания, а не на путях квиэтистического теологического. Ссылаемся на авторитет Б. П. Вышеславцева, дважды высказывавшего аналогичную мысль на диспутах в Рел.-Фил. Академии в Париже, что для того, чтоб понять христ. идею Богочеловека, России «действительно быть может придется пройти» через прометеевскую идею Человекабога.

«Редко приходится читать, чтонибудь более страшное, чем этот призрак грядущей России, вызванный жестокой (!?) мечтой Боранецкого». Не понимаю, что так напугало нашего критика. «Боранецкий» создает настоящую религию государства, напоминающую культ Рима и Августа, — тогда как в том же номере я, между прочим, писал, что государство для меня **аппарат** преобразования мира, «алтарь слу-

жения Общему, Целому». Естественно, что нельзя считать своим божеством, то, что считаешь «аппаратом». Но приписывая здесь мне то, чего я не говорю, Федотов в тоже время ни слова не говорит о главных моих статьях на эту именно тему с их поисками «нового миро-созерцания». Ну и т. д.

Но положение, которое занял Г. П. Федотов (не «Нов. Град» в целом) в нашей среде новых течений вообще своеобразное. Он, повидимому, пришел к нам, — но не затем, чтоб с нами идти, а затем, чтоб с нами бороться. — По видимости подчиниться, чтоб реально подчинить. Собственно, в отношении побеждающей, восходящей силы сложная тактика (а не упрощенная, дурацкая тактика «долой») только и может быть такой. Тем не менее, этот троянский маневр нам не страшен. Отчетливо понимая ход противника, мы могли бы сказать Федотову: «не вы нас потушите, а мы вас зажжем». Вопреки субъективным намерениям, объективно Федотов делает наше дело, ибо логика вещей с нами и против него. Вот почему к людям такого рода мы должны относиться с величайшей бережностью и ценением, в особенности же, принимая во внимание их заслуги перед всей русской культурой, как таковой. Лучше один такой непоследовательный противник, чем десятки последовательных друзей-дураков, на бедность которыми мы, к тому же, не можем пожаловаться. Кроме того, положительное сотрудничество с лучшими представителями старой культуры есть наиболее действенный способ выдержать требования культурно-историчес. преемственности. Из всех этих соображений, отдавая ясный себе отчет в том, что Федотов в нашей среде чужой, мы тем не менее, с величайшим вниманием должны прислушиваться к его голосу. У противников всегда есть больше чему учиться, чем у друзей, а особенно у таких противников.

В общественном порядке приносим извинения М. В. Вишняку. Резко полемическая статья в № 2 «Т. Р.», направленная против него была основана на ложной осведомленности о нем, как о представителя буржуазной (а не социальной) демократии, что не соответствует действительности.

П. Б.

Р. С. На все печатные и особенно не печатные инсинуации и выпады против нас со стороны группы «Утвержд. — Завтра» мы ответили однажды, — может быть с излишней прямолинейностью и откровенностью — и на этом поставили точку. Поэтому, в виду продолжающихся аналогичных выпадов против нас, мы заявляем, что и в дальнейшем ни ни какие выступления такого рода отвечать не будем.

П. Б.

О младоросском движении

Для эмиграции является характерным, что почти каждый политический сезон в ней отмечается каким либо новым «героем дня». В таких «героях дня» побывали даже «невозвращенцы», как еще раньше — «возвращенцы». В прошлом полит. сезоне очередным «героем дня»